

Выездное заседание Изборского клуба, посвящённое развитию малых городов России, было проведено в городе Боровске Калужской области неслучайно. Боровск — это тот самый российский "малый город", который сохраняют и являют уникальность нашей страны гораздо в большей степени, чем это делают столицы и большие города. Именно малые города естественно сохраняют, "консервируют" особенности русского духа и характера. Первое упоминание о городе датировано 1358 годом, однако обнаруженная в ходе археологических раскопок на Боровском городище керамика относится аж к XI–XIII векам. И этому древнему городу удалось создать неповторимый облик, сохранить свой исторический образ, и в то же время он позволяет людям жить в современных реалиях.

Особенность нашей огромной страны в том, что в каждом населённом пункте рождаются люди, которыми гордятся все мы, которых знает вся страна. Каждый город, село, деревня достойно проявили себя в строительстве, укреплении государства, в приумножении славы страны. Каждый населённый пункт рождал, воспитывал воинов, создателей, учёных, мыслителей. И Боровск в этом смысле очень показателен. Этот небольшой город с населением чуть более 10 тысяч человек связан с именами боярыни Морозовой и протопопа Аввакума (связан, правда, печальными обстоятельствами), Константина Циолковского, космиста Николая Фёдорова, адмирала Дмитрия Сеньянина, многие жители города и края воевали на фронтах Великой Отечественной войны, семеро из них стали Героями Советского Союза.

Чудо-град. Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьево-Боровский монастырь, старообрядческий собор Покрова Пресвятой Богородицы, старообрядческая Введенская церковь, купеческие дома, особнячки, частные дома с палисадниками, огородами — всё очаровательно.

Изборский клуб, отделение которого было создано в Боровске, провёл крупный стол "Малые города России: стратегии и практики". Всего в России около тысячи малых городов, к которым относятся те, что насчитывают менее 50 тысяч жителей, и проживает в таких российских городах около 16 миллионов человек. На заседании клуба речь шла о проблематике малых городов, обоснованной критике была подвергнута концепция пространственного развития России, которая фактически приведёт к вымиранию "неперспективных" малых городов. По мнению участников круглого стола, ставка на большие агломерации в ущерб малым городам недопустима.

Александр ПРОХАНОВ

ЧУДНЫЙ БОРОВСК

Родные города России

РОССИЯ — ЭТО ПЛАЩАНИЦА. На ней златом вышита Москва. Серебром вышиты губернские города. А жемчугом расшита вся остальная Россия. Малые, уездные города России — это жемчужины, от которых исходит сияние. Нет ничего прекраснее малых русских городов. Часто запущенные, обесцененные, утлые, с облупленными колокольнями, с ухабами, они восхитительны, от них исходит таинственное сияние. Сияют не только храмы, не только купеческие дома, не только деревянные двухэтажные почерневшие срубы, сияют люди.

Лица у людей в малых городах России — сияющие.

Как прекрасен город Мещовск в Калужской губернии. Небольшой, очаровательный, это город двух царей. Отсюда монархи из династии Романовых Михаил Фёдорович и Пётр Великий взяли себе жён. По-видимому, здесь такая вода, такие звёзды, такие снегопады, так звенят колокола, так поют пелухи, таков облик людей, и всё это рождает красоту. И эти красоты восходят на русское царство.

Как прекрасен городок Верхотурье, что на Урале. Запущенный, с чёрными корабями домов, с зияющими пустотами пожарик на улицах, с великопелым старинным Кремлём, с изразцовыми поясами на церквях, с гигантским собором и монастырём посреди града, с тере-

мом, построенным Григорием Распутиным в ожидании царского приезда. Верхотурье — древняя столица Урала, через него проходил великий путь с запада на восток. Это были врата, через которые русская сила: русское вино, русские купцы и русские землепроходцы — добрались до Тихого океана и пошли дальше, в Америку.

Как прекрасен нижегородский город Аразмас. Каковы здесь соборы! Им позавидует Санкт-Петербург. Какие очаровательные крохотные домики. Их зимой засыпает по крышу сугробами. Какая история! Через Аразмас проходили великие исторические пути. Здесь создавалось ополчение, что пришло на помощь Москве и сохранило русскую государственность в Смутное время. Здесь появлялись посланцы Пугачёва, и через город в клетке провезли самого Емельяна, закованного в железо. Аразмас стоит на перепутье множества дорог, ведущих с севера на юг, с запада на восток, он стоит на перепутье русской истории.

В окрестностях Аразмаса есть два села: в одном из них родился великий патриарх Никон, построивший под Москвой Новоиерусалимский монастырь. А в другом — протопоп Аввакум, вечный соперник и обвинитель Никона. Две грандиозные фигуры русского XVII века.

А как чудесен мордовский город Темников! В его окрестностях в монастыре покоится прах

святого флотоводца Ушакова, и ветер, пролетающий над крышами старых домов в Темникове, — это тот самый ветер, который наполнял паруса ушаковских кораблей, громивших бастионы на итальянском берегу.

Боровск — драгоценный город, основанный в XV веке татаринном, принявшим православие и в монашестве наречённым Пафнутием. Ещё задолго до покорения Грозным Казани русские обменивались с татарами своими странниками, духовниками.

С чем сравнить Каргополь, этот удивительный город на юге Архангельской области? Северная каргопольская икона, каргопольские храмы, словно белые лебедушки, плывут вдоль реки. В Каргополе таинственно дышит угро-финская красота, угро-финские лики, угро-финская топонимика, угро-финская колдовская красота и печаль.

Каждый маленький русский город, как бы мал он ни был, имеет свою идею, своё мировоззрение, свою городскую мечту. Это город Русской Мечты. Эта мечта двуклика. Она имеет два измерения. В них таится живая вода, которой малый городок окропляет всю Россию, влияет в общую русскую чашу свою местную историю. Ведь история великой математики-России создавалась в малых городах. В них проходили осады, победы, нашествия, переселения, случались революции, восстания, служили великие моления, творились божественные чудеса. И эту малую уездную историю эти города передают в Россию, создавая большую Русскую мечту — мечту о грядущей Русской победе.

Другое измерение этой идеологии, другое ощущение горожан — что город, где они проживают, является центром мира, через этот город проходит центр земли, и в этом городке случается всё, что случается во всём человечестве: рождения и смерти, великое стояние и великое обожание, великая солидарность и го-

родское братство, рождение своего удивительного, драгоценного и для города, и для всей остальной России человека.

Гений места — это тот творец, который своим появлением обязан этому городку, его загадочному прошлому и брезжащему в мечтах будущему. Здесь по-особому протекают ручьи и реки, особыми неповторимыми линиями проходят кройки лесов, здесь особые почвы, особые дожди, особое звёздное небо, из которого на город сыплются бесчисленные золотые искры.

Эти города часто запущены, здесь опустели кварталы, закрылись лесопилки и заводы, но мы мечтаем, чтобы эти городки стали красивыми, чтобы крохотные печальные домики превратились в нарядные терема, чтобы по улицам, прекрасно асфальтированным, неслись красивые машины, чтобы в магазинах был первоклассный товар, на столах у жителей городков была вкусная здоровая еда. Чтобы женщины могли рожать в местных родильных домах, а хворые — лечиться в больницах. Мечтаем, чтобы в каждом из этих городков появились газ, достойные школы и училища. Мы хотим образобразить этот город и вернуть покинувших его жителей, которые уехали в поисках столичного заработка. Но, прежде чем всему этому случиться или одновременно со всем этим, город должен вспомнить свою идею, высказать свою мечту, обнаружить свою сокровенную тайну, которая и есть та сила, что привлечёт покинувших город людей и удержит тех, кто здесь рождается. Русские малые города — это драгоценные ключи, в которых бьётся русская сила, русская красота и мечта.

Боровск с монастырями, музеями, с этнографическими заповедниками, с современным производством, с его талантливыми людьми, будь то священник или инженер, военный или лесник, — это город Русской Мечты.

Вардан БАГДАСАРЯН

МИФ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Новое глобальное искушение и его угрозы

Окончание. Начало — на стр. 1

ВОТЛИЧИЕ от сторонников белловского направления Фурастье указывал даже в качестве одной из основополагающих характеристик постиндустриального развития реабилитацию религиозного и религиозно-мистического опыта, что напрямую соотносилось со средневековой традицией. Понятно, что истолкование постиндустриализма в качестве "нового средневековья" отражает принципиально иные в сравнении с моделью стадийного прогресса управленческие установки.

"СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА" ДЛЯ РОССИИ

Когда Д. Белл приступил в 1950-х годах к разработке концепта "постиндустриального общества", ничто, казалось бы, не давало к тому оснований. Запад испытывал очередной индустриальный подъём. Гонка вооружений обуславливала приоритетность развития ВПК, а он был напрямую связан с соответствующими отраслями промышленности. То есть белловская футурологическая проекция не являлась производной от существующих экономических трендов. Важна в данном случае констатация хронологической последовательности. Вначале выдвигается концепция постиндустриализма — и только затем осуществляется видимая реструктуризация экономики Запада.

Что это — гениальное предвидение? Возможно. Но не менее вероятен и проектный характер разрабатываемой теории. Новой геополитической реальностью на тот момент стал распад мировых колониальных систем. На карте мира одно за другим появлялись самоопределившиеся государства. Возникла реальная угроза потери Западом положения мировой метрополии. Тогда на смену колониализму приходит модернизированная модель неокOLONиального управления. Постиндустриализм и неокOLONиализм возникли фактически одновременно. Собственно, постиндустриальная теория и служила прикрытием неокOLONиальной практики, поскольку она фактически обосновывала право Запада на более высокие стандарты жизни. После выдвигания постиндустриального концепта был инициирован активный процесс вывода реального промышленного производства в страны "третьего мира".

Ещё одна скрытая сторона теории "постиндустриального общества" определялась контекстом холодной войны. Советский Союз, как известно, сделал основную ставку на развитие индустриального сектора экономики. Индустриализация страны преподносилась в качестве главной экономической задачи. Теория постиндустриализма подкашивала совершенно иные стратегические ориентиры. Удивительным образом её вброс в мировое информационное пространство совпал с изменением траектории мировой исторической гонки между СССР и США. Советский Союз с начала индустриализации последовательно сокращал своё отставание от Соединённых Штатов по совокупным объёмам промышленного производства. К началу 1960-х годов этот разрыв был минимальным. Сохранение существующих на тот момент трендов означало бы, что СССР обогнал США в течение десятилетия. И тут происходит нечто странное. Темпы промышленного роста в США резко возрастают, тогда как в СССР происходит соответствующее торможение. На постсоветском этапе показатели роста промышленности в России и вовсе приобретают отрицательное значение.

Случаины ли такие совпадения? Экономическая политика сегодня подразумевает не только целевое инвестирование собственной экономики, но и подрыв экономики конкурентов. Одним из приёмов в этой борьбе является дезинформация, выражающаяся, в частности, в подкаске ложных стратегем развития. По-видимому, такой стратегической ловушкой и явился концепт постиндустриального общества.

Далеко не все страны, подобно СССР/России, подпали под обаяние постиндустриалистского концепта. Один из главных геоэкономических вызовов современности состоит как раз в "атаке неоиндустриалов". Ряд прежде периферийных стран избрал своим ориентиром ту самую стратегию форсированного индустриального развития, на которую в своё время ориентировался СССР. Россия отказалась от неё в пользу приманки постиндустриализма, тогда как другие с успехом применяют её в мировой экономической гонке.

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

Распад СССР хронологически чётко соотносится с процессом сервисной трансформации. Всё произошло в точном

соответствии с рецептурой постиндустриального перехода: доля занятых в сфере услуг резко возросла, тогда как в промышленности и строительстве она стремительно снизилась. Прослеживаются при этом три различных по динамике изменений этапа.

В позднесоветский период услуги по аккумуляции экономических занятых населения постепенно догоняют промышленность и в 1980-е годы получают незначительный перевес. Трансформационный процесс на этом этапе шёл крайне медленно. Но уже тогда, сев на иглу нефтяного экспорта, Советский Союз фактически отказался от необходимого для него нового индустриального рынка.

На втором этапе, в 1990-е годы, процесс деиндустриализации экономики России приобрёл революционный характер. Это были, по-видимому, самые высокие за всю историю мировой экономики темпы сервисной трансформации. Деиндустриализационный пафос 1990-х выразился даже в незначительном повышении удельного веса в структуре занятости сельского и лесного хозяйства. Таким образом, постиндустриализм в России удивительным образом выродился в экономическую и социальную архаизацию.

На третьем этапе, в 2000-е годы, темпы сервисной трансформации несколько снизились, однако сам вектор деиндустриализации остался неизменным.

По аналогии с "бешеными темпами коллективизации" применительно к 1930-м годам уместно говорить о "бешеных темпах сервисизации". Ещё в 1990 году доля товаров в ВВП России почти вдвое превосходила долю услуг. Не прошло и двух лет, как всё принципиально изменилось. Уже в 1992 году удельный вес услуг был выше. За два года доля товарного производства снизилась на 14,3%. Новая максимизация долевого значения сервиса приходится на 1998 год — время дефолта. Случайно ли это? Развитие по постиндустриальным лекалам обернулось для страны системной катастрофой. Стоит ли в очередной раз наступать на те же грабли?

Показательно изменения, произошедшие в структуре занятости населения. Ещё в 2000 году больше всего россиян было трудоустроено в сфере обрабатывающего производства, на второй позиции находилось сельское хозяйство. Теперь первую строчку занимает направление торговли и ремонта. По доле торговцев и ремонтников Россия превосходит сегодня любую из западных стран. Помимо обрабатывающего производства и сельского хозяйства снизили своё доленое значение: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; образование. Наряду со статьёй торговли и ремонта возрос удельный вес в структуре занятости следующих направлений: финансовое деятельности; операций с недвижимостью; строительства; гостиниц и ресторанов; транспорта и связи; государственного управления; предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг.

Происходило, таким образом, за некоторыми исключениями, усиление позиции тех направлений, которые Линдон Ларшус относил к сферам концентрации фиктивного капитала. Россияне стали больше торговать и заниматься финансовыми операциями, но при этом меньше работать над производством реальных товаров в промышленном и аграрном секторах.

Повышение доли сервиса в ВВП и структуре занятости социума само по себе не означало развития отраслей услуг в абсолютных статистических показателях. Основной удар распад СССР нанес по сектору промышленности. Но разрушение базового для экономики сектора повело за собой разрушение и других, производных от него отраслей услуг. За исключением, по сути, одной — финансовой сферы.

СЕРВИСНОЦЕНТРИЧНАЯ МИР-СИСТЕМА

Исследование сервисного развития через призму центр-периферийных отношений приводит к следующим результатам. Сервисное общество не получило универсального распространения в масштабах всей мир-системы. Оно оказалось соединено с мир-системным центром. Но сервисное общество не может быть самодостаточным. Его успешность связана с наличием секторов "физической экономики". Чем выше межстрановое разделение труда, тем большую перспективу получает развитие сервисного общества в мир-системном центре. Соответственно на периферии должно быть вынесено по этой логике материальное производство.

Такое распределение и обнаруживается в современной модели мироустройства. Существует сервисный центр, обеспечиваемый периферией в сельскохозяйственном ("банановые республики"), индустриальном ("сборочный цех") и сырьевом ("сырьевые республики") отношениях. Вы-

веденная за центр-периферийные отношения "мировая обочина" представляет архаизированное пространство.

Проведение мир-системного моделирования применительно к проблематике сервисного развития позволило составить карту современного геоэкономического мироустройства. На ней чётко локализуются два сервисных центра — Северная Америка и Западная Европа. Ввиду того, что их ядро определяется финансовым сектором экономики, который выстраивается сегодня на эмиссии необеспеченной реальным производством денежной массы, речь идёт о двух "сервисных мыльных пузырях". Через искусственное "надувание" этих пузырей и реализуется механизм неокOLONиальной эксплуатации.

Инструментально господство центра в современном мире обеспечивается следующим образом. Существует сервисный мыльный пузырь. Его благополучие построено на продаже ничем не обеспеченных долларов. Мир принуждается к покупке этих долларов: а) военным путём, б) информационным принуждением.

Мы видим, насколько разные геоэкономика зависят от мирового паразитического центра. Основанием для определения степени зависимости явился расчёт коэффициента корреляции между динамикой роста ВВП в США и странах мира.

Риски существующей системы связаны с тем, что "сервисные мыльные пузыри" должны рано или поздно лопнуть. Мировой кризис показал высокую вероятность такого сценария в обзорной перспективе. При этом пострадают не только страны сервисного центра, но и страны ориентированной на её обеспечение периферии. Россия в указанной перспективе кризиса оказывается особо уязвимой. Последний из кризисов, как известно, именно Россия прошла наиболее тяжело среди всех крупных геоэкономических акторов (наибольший спад ВВП).

НЕЗАМЕЧЕННАЯ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Показательно проследить на длинной временной шкале соотношение доли промышленности в ВВП и в отраслевой структуре занятости. Данное соотношение может рассматриваться в качестве индикатора эффективности соответствующей отрасли. Чем больше разрыв между первым и вторым показателем, тем эффективность выше. Для промышленности в отличие от сферы услуг этот разрыв последовательно возрастает. Сегодня вопреки постиндустриалистскому концепту именно промышленное производство является наиболее эффективной отраслью экономики.

Известно, какую роль в статистике, особенно в её историческом преломлении, играет используемая методика расчётов. Зачастую наблюдается кардинальное расхождение устанавливаемых количественных показателей. Такие несоответствия, обнаруживаемые, в частности, при сопоставлении данных известного британского экономиста Ангуса Мэддисона, безусловного авторитета Всемирного банка и расчёта длинных историко-статистических рядов, сами служат предметом научного анализа. Чем глубже историческая проекция, тем выше дисперсия. Проверить их на предмет достоверности возможно путём соотнесения с аналогичной по временной вёрстке статистической базой. Такого рода сопоставлений в ретроспективной проекции и широте странового спектра расчёт представляет труд Б. Митчелла. Траектория динамики удельного веса промышленности в ВВП у Б. Митчелла в целом совпадает с мэддисоновской кривой. По ряду западных стран на современном этапе их развития действительно фиксируется снижение доли индустриального производства в экономике. Однако это снижение не имело характера парадигмальной трансформации. Доля промышленности снизилась на Западе (причём далеко не во всех странах) приблизительно до уровня 1930-х годов. Диапазон колебаний удельного веса промышленности в ВВП составил несколько процентов. Что касается иных государств, выходящих за рамки геоэкономического пространства Запада, то в них какого-либо принципиального снижения доли промышленности в валовом внутреннем продукте не наблюдается. В большинстве этих стран, напротив, продолжается рост долевого значимости индустриального производства. В некоторых других показатели удельного веса промышленности в ВВП стабилизируются.

Таким образом, тезис о глобальной деиндустриализации современного мира не подтверждается. Единственным исключением являяются Россия и группа постсоветских государств. Прошедшее здесь в 1990-е годы снижение доли промышленности в ВВП по масштабности деиндустриализационной трансформации исторически беспрецедентно. Создается

впечатление, что теория постиндустриализации предназначалась исключительно для СССР/России...

Концепт постиндустриального пути развития выстроен на апелляции к универсальному мировому опыту. России предлагается идти по тому пути, по которому движется большинство государств мира. Предположим, что универсальная рецептура успешности действительно существует. Но правильно ли отождествлять этот путь со стратегией постиндустриализма? Проведённый постраново анализ по критерию роста добавленной стоимости в сферах промышленности и услуг позволяет утверждать, что вектор развития современного мира является неоиндустриальным. В большинстве наиболее динамично развивающихся экономик чётко фиксируется тенденция роста добавленной стоимости в секторе индустрии и снижения (или стагнации) в секторе услуг. Вектор уменьшения в сфере промышленности имеет вполне определённую геоэкономическую локализацию. Наличие его обнаруживается только по трём категориям стран:

— "золотомиллиардный" Запад;

— Тропическая и Экваториальная Африка;

— Россия.

К западной или к африканской модели ближе по своей природе российский случай деиндустриализации? Ответ очевиден...

О том, что "бешеная сервисизация" для России являлась тривиальной деградацией экономики, свидетельствует наметившаяся по ряду постсоветских республик тенденция "промышленного отката". Как только экономическое падение прекратилось, переида в фазу роста, доля добавленной стоимости сектора промышленности в ВВП соответствующих государств начала постепенно возрастать. Чем увереннее восстанавливала свои позиции сфера индустриального производства, тем выше оказывался рост экономики. Напротив, там, где траектория упадка не была остановлена, происходило дальнейшее сокращение значимости сектора промышленности (Молдова, Киргизия, Таджикистан). Следовательно, деиндустриализация 1990-х годов являлась не переходом к новому постиндустриальному укладу, а разрушением связанных преимущественно с индустриальным сектором базовых потенциалов постсоветских экономик.

О необходимости новой индустриализации говорят сегодня политические лидеры ведущих государств мира. Концепт новой индустриализации и возвращения в США промышленности — один из центральных пунктов программы Дональда Трампа. О новой индустриализации и импортозамещении говорит Владимир Путин.

Выдвигание идеи нового индустриализма означает фактически ревизию концепта постиндустриального развития мира.

МОДЕЛЬ ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ

Принципы функционирования современной России всецело и чётко описываются довольно известным историческим феноменом "периферийного капитализма". Для проверки данного утверждения были взяты признаки, которые присутствуют во всех учебниках при описании характерных черт данного феномена. Далее оценивалась степень их применимости к современному Российскому государству.

Какие это признаки?

Во-первых, основные инфраструктуры развитости периферии связаны с территориями, находящимися во внешнем мире. Применительно к России эта инфраструктура очевидна. Речь, понятно, идёт о нефтегазовом комплексе. Остальная территория при такой модели находится в архаизированном состоянии. До неё, собственно, никому и нет дела. Будучи ненужной для метрополии, она не развивается, а то и деградирует.

В постсоветский период произошла переориентация России от собственных экономических запросов к обслуживанию внешнего потребления. Сегодня доля торговли в ВВП страны составляет более трети от его общего объёма. Достаточно сравнить с Соединёнными Штатами Америки, где удельный вес экспорта в валовом внутреннем продукте — лишь 11%. Примерно столько же было в СССР — около 10%. Сейчас же многие российские регионы больше торгуют с иностранными государствами, нежели внутри страны. Они, таким образом, оказываются ориентированы в большей степени не на Россию, а на внешний мир.

Второй признак периферийности — это моноспециализированность. Экономическая устойчивость страны связана с наличием широкого спектра отраслей. Главным соображением здесь выступает принцип национальной безопасности. В колониях — по-другому. Там получают развитие одна, максимум две отрасли, наиболее рентабельные с точки зрения взаимодей-

ствия с центром. И опять-таки эти отрасли применительно к российскому случаю достаточно хорошо известны. Дискурс о путях модернизации России идёт, по сути дела, в рамках периферийной парадигмы. Суть номинируемых предложений сводится к следующему. Давайте откажемся от модели экспортной республики и будем обеспечивать мир (то есть Запад) сельскохозяйственной продукцией. Другие ставят вопрос иначе: давайте торговать оружием и в этих целях развивать ВПК. Но периферийная парадигма при этих вариантах остаётся неизменной. Для её смены нужна принципиально иная постановка вопроса: давайте ориентироваться не на внешний мир — мир метрополий, а на внутренние потребности и на вытекающие из них собственные задачи развития.

Третий признак периферийного устройства — социальная анклализация. В странах периферии существуют, как правило, территориальные анклавы благоденствия, диссонирующие по своей развитости с остальной страной. Эти анклавы связаны с элитой, включённой в международную элитарную сеть. Такой территориальный анклав относительного благоденствия в России хорошо известен — это Москва. В самих регионах есть такие же анклавы развитости на фоне общей люмпенизированной пустыни провинции. Как Москва связана с центром — западным миром, так они связаны с Москвой. Их относительное благоденствие определяется включённостью в низовые структуры столичного капитала. Реализована типичная схема, характерная для центр-периферийного устройства.

Следующий признак колониальной системы — выстраивание модели управления по принципу "разделяй и властвуй". Этнические группировки и этногенные структуры поддерживаются по отношению друг к другу в состоянии перманентного конфликтного напряжения. И такая система может постоянно взрываться. Сохранение в России модели федералистского национально-территориального устройства даёт широкие возможности для проведения колониальной политики. Имеется механизм провоцирования этнических конфликтов едва ли не по всей территории Российской Федерации.

Сопутствующим признаком периферийной модели определяется также наличие криминальных анклавов. Достаточно вспомнить Китай в периоды опiumных войн: торговля оружием, наркотиками, людьми. Попытки местных властей по проведению декриминализации приводят к жёсткой отповеди со стороны метрополии, имеющей свой интерес в криминальных потоках. Такого рода криминализованные

территории в Российской Федерации тоже хорошо известны.

Таким образом, случайно или нет, все основные признаки территориального развития современной России точно совпадают с описанием центр-периферийной модели функционирования.

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Принятие постиндустриального концепта развития содержит прямые угрозы для национальной безопасности. Основу ВПК во всех странах составляет, как известно, индустриальное производство. Развитие сервисных отраслей — таких как, к примеру, связь — производно от этого базиса. Государственная власть должна отдавать себе отчёт в том, что деиндустриализация объективно ведёт и к свертыванию сферы вооружения. Напротив, при росте промышленного производства растёт соответствующими высокими темпами производство военной техники.

Неслучайно война традиционно рассматривалась как лучший способ выхода из кризиса. Перспектива масштабного военного конфликта диктовала необходимость перенаправить финансовые ресурсы в сферу военной промышленности. Она же тянула за собой и иные отрасли индустриального производства. Запуск промышленности означал применительно к социальной сфере минимизацию безработицы. Кризисное состояние экономики в результате оказывалось преодолено.

В 1990-е годы в большинстве стран мира наблюдалось сокращение расходов на оборону в процентах к ВВП. Вероятно, сказывался эффект ослабления холодной войны. Одновременно вновь актуализировалась тема постиндустриального перехода. Но всё это уже в прошлом.

Сегодня вновь по наиболее значимым геополитическим субъектам мира (за исключением тех, которые находятся под защитным военным "зонтиком" других держав) фиксируется рост удельного веса расходов на оборонные нужды. Мир интенсивно вооружается. К чему он готовится? Грядущий в 2008 году финансовый кризис по аналогии с прежними кризисными периодами катализировал дискурс о перспективах новой глобальной войны. Принятие постиндустриалистского концепта в этих условиях, мягко говоря, недальновидно. Та программа перевооружения Российской армии, о которой заявил недавно президент России, на основе концепта постиндустриального общества принципиально нереализуема.

Книгу Вардана БАГДАСАРЯНА
«Матрицы общественного сознания»
можно приобрести в «День-магазине»
+7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru.